

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СЮЖА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР И РСФСР

ПО РЕДАКЦИИ: В. БАГРИЦКОГО, А. БОЛОТНИКОВА, М. ГОЛДОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛЫВАНОВСКОГО, И. СЕЛЫВАНСКОГО, М. СТОБЦОВОГО, И. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧЕРНОГО, И. УСЕНВИЧ.

№ 10 (325)

30 ЯНВАРЯ 1934 года

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

★ Прения по отчету ЦК ВКП(б) было посвящено утреннее заседание 28 января.

★ В вечернем заседании 28 января выступили встреченные аплодисментами т. БУБНОВ и т. ЕНУКИДЗЕ. Об ошибках правой оппозиции и своих ошибках т. БУХАРИН, об ошибках право-«левацкого» блока говорил т. ЛОМИНАДЗЕ. Громкими аплодисментами встретил съезд т. КОСАРЕВА. О блестящих победах большевиков Завявляев говорил т. БЕРИЯ.

★ На утреннем заседании 29 января продолжались прения по докладу ЦК ВКП(б). Выступили тт.: ИРИНИЦКИЙ (ИЗ СССР), Г. ПЕТРОВСКИЙ (УССР), РУМАНЦЕВ (Зап. область), ХРУЩЕВ (Москва), ШЕВОЛДАЕВ (Азово-Черноморский край), ЖДАНОВ (Горьковский край), ЛЮБЛЕВ (Наркомзем СССР).

XVII
★ В утреннем заседании 27 января съезд заслушал отчетный доклад Центральной ревизионной комиссии ВКП(б), который сделал тов. ВЛАДИМИРСКИЙ.
★ В отрывшихся затем прениях по отчету ЦК ВКП(б) выступили: т. АМОСОВ (Сев. д.), секретарь Зап. Сиб. крайкома т. ЭЙХЕ, т. ПОЗЕРН (Ленинград), т. БЫКИН (Башкирия), т. СЕРЕБРОВСКИЙ (зам. наркомтяжпрома), т. ВОДОВОЗЕНКО (Днепропетровщина), т. КОЛОТИЛИН (Шахтинский р-н), т. МАНАРОВ и др.
★ В вечернем заседании 27 января продолжались прения по отчету ЦК ВКП(б). В них выступили: ЗИМИН (НКПС), встреченный бурными аплодисментами т. ПОСТЫШЕВ, секретарь ЦК КП(б) т. ГИКАЛО, Н. К. КРУПСКАЯ, т. ХАТАЕВИЧ (УССР), т. БАДАЕВ и т. ИКРАМОВ (Узбекистан).

ДЕЛЕГАТЫ XVII СЪЕЗДА ПАРТИИ О СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

А. И. СЕННОВ. Нач. политотдела Ипполитовской МТС ДВК

ОГРОМЕН ИНТЕРЕС КОЛХОЗНИКОВ К КНИГЕ

Ипполитовская машинно-тракторная станция — самая большая МТС в Дальневосточном крае. Она обслуживает 11 колхозов. Мы работаем в сложных условиях нашего края. В работе наших колхозов большое место занимает борьба за лес. Остро стоит вопрос трудовой дисциплины. Но мы успешно преодолеваем трудности и широко развертываем колхозное строительство.

Художественная литература занимает почетное место в нашей МТС и колхозах. Мы следим за всеми выходящими новинками советской литературы. Мы знаем последние произведения Шолохова — «Поднятая целина», Панферова «Тавердия постылая», Новикова-Прибыль «Луисму», Л. Никулина — «Время пространство, движение», Дорохова — «Крепость» и многие другие. Все эти книги мы получаем через наш книжный киоск при МТС.

Интерес наших колхозников к литературе огромен. Совершенно исключителен спрос на детскую литературу. К сожалению, получаемые нами книги дороги. Совершенно отсутствует детская литература. Мы получили только одну книжку Ильина «Великий план».

Первое наше требование к издателям — ГИЗ, «Советской литературе» и ОГИЗ, к Книготорговому объединению ОГИЗ — дайте нам дешевую библиотеку произведений советских писателей и классиков.

Мы слышали о новых книгах, ос-



вещающую работу политотдела МТС, о том, что многие писатели работали в политотделах и написали о них ряд книг. Этой литературой очень интересуются наши колхозники. К сожалению, эти книги еще не дошли до нас.

Мы не только коллективно читаем книги, но и даем критическую их оценку.

Недавно мы получили последнюю книгу Дорохова «Крепость» — о зерносовхозах. Мы проработали ее, обменялись мнениями. В ответ на письмо Дорохова, в котором он просил нас дать правдивую оценку книги, сообщили ему свое коллективное мнение.

Что положительного в этой книге? Писатель хорошо и правдиво показал фигуру директора зерносовхоза и тип деревенского коммуниста. Что плохо в книге? Писатель сводит борьбу за освоение техники только к вопросу борьбы с вредительством. Но основное — писатель не показал вчерашнего середняка — сегодняшнего колхозника, не нарисовал, как он осваивает технику, как машина перевоспитывает человека. По Дорохову получается так, что комбайнеры сразу сели на комбайн и все работают хорошо и гладко. А как они овладели этой техникой? Эта тема не затронута писателем.

Чего мы ждем от писателей? Надо писать произведения об освоении техники не только на заводах и фабриках, но и в МТС, показать роль политотделов в освоении этой техники. Сейчас нас больше всего волнуют вопросы переподготовки людей, коллективов, работающих в МТС, колхозах и совхозах.

Мы следим за творчеством советских писателей. Приезд т. Фадеева на Дальний Восток и его работа была хорошо известна нашему политотделу.

Советские писатели должны заниматься тематикой Дальневосточного края. Нам необходимо создавать свою, советскую, романтику Дальнего Востока, увлекательные рассказы об изменении его хозяйственной и культурной географии, о човых людях края.

КНИГИ НА СТОЛЕ ДЕЛЕГАТА СЪЕЗДА

«СОВЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

В изд-ве «Советская литература» только что вышли из печати к партсъезду книги:

М. Горький — «О литературе», сборник статей и выступлений Горького по вопросам литературы (сборник вышел под редакцией И. Груздева). В. Маяковский — поэма «Ленин» в художественном оформлении т. Рерберга. М. Кольцов — «Сотворение мира» (второй том собрания его сочинений). Шейнман — «Что я видел в Америке, что я сделал в СССР». Это книга написанная инженером Сталинградского тракторного завода г. Шейнманом, описывающая его поездку в Америку и работу в Советском союзе после приезда из Америки. Книга была написана по совету и указаниям Я. Ильина и создана т. Шейнманом при участии Б. Галлина. Предисловие к книге написано Б. Талем и Б. Галлиным. Кара Радек — «Портреты и памфлеты» (второй том). Д. Благой — «Три века», историко-литературоведческие статьи о поэзии трех веков, начиная с Державина и кончая Блоком.

До конца работы партсъезда «Советская литература» выпустит книги:

А. Луначарский — «Ленин о литературе». А. Безыменский — «Ночь» (начальника политотдела). Еще три книги о политотделах МТС: С. Шагинян — «Тайна трех букв», С. Третьякова — «Тысяча один трудящийся» Д. Хант — «Приезд». Эль-Регистан и Л. Бронштайн — «Караукиский прогон» (книга будет богато иллюстрирована). Л. Касилья и А. Гарри — «Потолок мира» (о стратегии СССР) (книга выйдет с большим количеством иллюстраций). И. Эренбург — «День второй» (о Магнитогорске). Бруно Ясенский — «Человек меняет кожу» (первая часть; вторая часть этой книги вышла на днях). А. Исбах — роман «Радость». Тема книги — борьба за выполнение производственного пла-

на на заводе по дизелям. Н. Тихонов — «Сам», книга, посвященная 10-летию со дня смерти В. И. Ленина. Художественное оформление книги т. Рерберга.

Кроме того, «Советская литература» выпустила ряд книг в переиздании: Ильф и Петров — «Как создавался Робинзон» (с иллюстрациями т. Козликовского), Г. Сербрыкова — «Женщины эпохи французской революции», Бруно Ясенский — «Я живу Париж» и на днях выйдет из печати «Трагедийная ночь» А. Безыменского с иллюстрациями худ. Кравченко.

МТП

В последние дни производственного отдела МТП значительно усилила темпы своей работы по выпуску книг к партсъезду.

За несколько последних дней появилось много книг, уже указанных нами в прошлом номере (Россовский — «Записки политотдельца» и Завалишин — «Свежая борода»), МТП выпустило к партсъезду книги: М. Шагинян — «Литература и план», Н. Зарудин — «Страна смысла», Я. Швецов — «Понски отечества», Кононов — «Упразднение Мефистофеля».

Кроме этих книг, в январе вышли из печати книги, приуроченные к партсъезду: Демьян Белый — «Москва», Е. Пермитин — «Враг», Г. Гарпал — «Под красным вымпелом», Улин — «Нэн», В. Гольцев — «Саван», С. Булачев — «Зенит», В. Некрасов — «Сомнения», Самсонов — «Вся закон», Черкасов — «Борьба за Волгу» и др.

В ближайшие дни МТП выпускает из печати: В. Славский — «На гребне», Р. Азарх — «Борьба продолжается», Нанторевич — «Большой шанс» (о Беломорско-Балтийском канале).

Все эти книги по мере выхода их тиража будут направлены в книжные киоски на партсъезд для распространения среди делегатов съезда.

МАСТЕРА ВЫСОКОЙ КУЛЬТУРЫ ТРУДА



Вчера вечером в редакцию пришла «Красная книга» Северного Кавказа. Она доставлена на самолете в Москву в подарок XVII партсъезду.

Сроки, в которые она сделана, таковы: в декабре Северокавказский крайком партии постановил «одобрить предложение мастеров Ростсельмаша об организации краевого соревнования рабочих, инженеров и техников из двенадцати мастеров высокой культуры труда». Ко дню XVII съезда партии издать краевую «Красную книгу мастеров высокой культуры промышленного труда». 3 января 1934 года книга была дана в производство, 15 января подписана к печати и 21 января вышла в свет.

Книгу сделали: коллектив работников, ударников, литржурковцев, писателей и журналистов края, Азово-Черноморское краевое издательство, коллектив рабочих типографии имени Коминтерна и рабочие фабрики «Красный переплетчик».

Тема книги — соревнование и высокая культура труда — была одновременно и методом работы над ней. По инициативе литературной группы рабочих читателей Ростсельмаша было организовано соревнование на лучший очерк о мастере высокой культуры труда. Северокавказский Оргкомитет писателей включился в это соревнование и выделил писательскую бригаду для участия в литературном оформлении книги. В порядке соревнования Азово-Черноморское краевое издательство взяло на себя дело технического и художественного оформления и выпуска книги, а коллектив рабочих типографии имени Коминтерна обязался показать высокую полиграфическую культуру. Рабочие фабрики «Красный переплетчик» обязались дать высокое мастерство переплетных работ.

Все эти обязательства выполнены. Красная книга Северного Кавказа издана так, что она по праву займет место во витрине лучших книг советских издательств. Несмотря на исключительные короткие сроки производства, книга образцово оформлена и стоит на высоком уровне полиграфической техники. Она свидетельствует о том, что у нас в числе других отраслей промышленности, выросла и крепкая, стоящая на уровне передовой техники, полиграфическая промышленность. Производственная книга — от авторской рукописи до типографского переплета — в нашей стране перестало быть монополией одного-двух столичных центров. У нас выросли и краевая литература, и краевые издательства, и краевая полиграфия.

Однако, самое важное в Красной книге Северного Кавказа — ее идейный смысл и те факты, которые сделали издание такой книги необходимым. А они заключаются в том, что на Северном Кавказе, как и во многих других промышленных районах нашего Союза, выросли десятки и сотни замечательных новых людей мастеров социалистической культуры труда, воплотивших в себе лозунг т. Сталина о труде: как деле чести, деле доблести и героизма. Соревнование на мастера социалистической культуры труда широко развернулось на Северном Кавказе, в него включились тысячи ударников, оно стало стимулом повышения производительности труда, оно высоко подняло знамя освоения и нового коммунистического отношения к труду на всех предприятиях Северного Кавказа. В Красной книге собраны портреты самых лучших ударников края, завоевавших почетное право быть на страницах краевой Красной книги. Это — люди угля, металла, нефти, это — машинисты и электрики, это — составители поездов и цементники, это — швейники, повара, пекаря и ко-
жешники.

Любой из занесенных в Красную книгу достоин того, чтобы о нем написали отдельную книгу. Гольцев, первый врубной машинист Донбасса, изобретения которого дают стране сотни тысяч рублей экономии ежегодно. Демичев, бригадир молодежной бригады шахты «Артем», учитель целого поколения шахтеров. Кожин, бригадир вагонщиков шахты Елдокимова, комсомолец, подготовивший 200 квалифицированных вагонщиков. Морозов, лучший мастер доменных Сулянского завода, учитель целого поколения доменщиков. Старик Никишин, мастер старых промыслов Грознефти, подготовивший 200 ключников. Главный повар Ростовской фабрики-кухни Богданов, делающий замечательное варенье из овощей и добившийся образцового использования новых продуктов: сои, конского жира и т. д. Это — многие, многие другие.

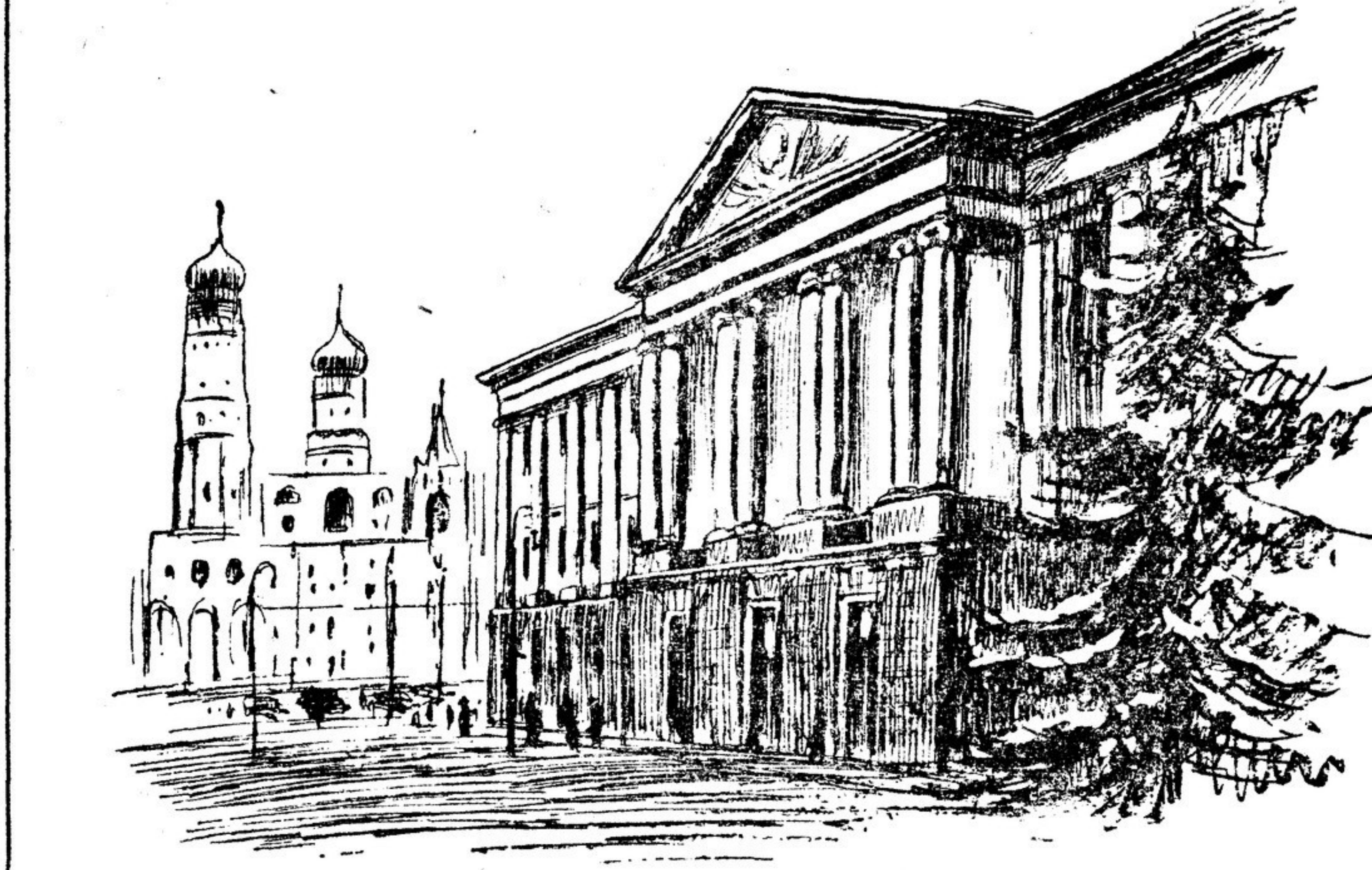
О каждом из них в книге сообщены основные биографические данные и рассказано, как, какими способами они добились высокого звания мастеров культуры труда, в чем выражается эта их культура. Сделано это в форме литературных очерков, безыскусственных, но вполне грамотных и написанных с большой теплотой.

Конечно, было бы лучше, если бы над текстом книги поработали больше, если бы вместо отдельных биографий книга была бы цельным рассказом о новых социалистических работниках. Но и сейчас она представляет собой безусловно ценный документ.

Это — только беглые записки о той чудесной реальности или тех реальных чудесах, которые возникли в неуголовно-короткие сроки на 6550 квадратных метрах московского Политехнического музея. Буквально каждый метр выступает здесь перед восхищенным посетителем, как выражение конденсированной творческой мощи ленинской партии разумной воли восходящих классов, как наглядное свидетельство нового качества всех наших экономических, общественных и бытовых отношений, как живой кусок истории борьбы за социалистическую технику, за социалистическую культуру.

Первое ощущение, овладевающее нами при вступлении на территорию выставки и не покидающее нас до последнего мгновения, — то, что мы находимся в мире, которому неизвестно состояние покоя. Здесь преобладают конкретные вещи. Они дышат, живут, трепещут, они выплывают тут же на виду у вас функции, положенные им их создателем и хозяином — рабочим классом, владеющим одной шестой мира. Мысль выдвигает блестящие линии, поспешив встать в танцевальном изобразительном гуле, гудит, пролетая режущим над вами самолетом, стремительно сплывает челнок из советского сырья с медлительной уверенностью движется обжимной пркатный стан, только что выпущенный Берлинским заводом; демонстрирует победы советского станкостроения десятки действующих станков с индивидуальными именами.

Но посетитель нетерпелив. Он не замечает долго задерживающегося у этих прекрасных вещей, освобождая их от иностранной зависимости, он жадно стремится дальше,



Новое здание в Кремле, где работает XVII съезд партии.

ЧУДЕСНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

дальше, дальше — в десятки залов так же «весомо, грубо, зримо» показано все величие, вся красота «больших» и «малых» достижений социалистического строительства.

Он видит советские мотоциклы и гидрогенераторы, искусственный научку и уколочные аппараты, тончайшие ткани и рентгеновские аппараты, комбайны и медицинские приборы, грандиозные действующие модели Днепротреста, Бобриковского химкомбината, Магнитогорского металлургического комбината; он может даже удержаться от возгласов восхищения, попав в сектор социалистических городов, строящих, легких, просторных и удобных, дышащих солнцем и зеленью.

Внезапно перед ним возникает величественное зрелище, приводящее в состояние некоторого оцепенения:

Новая Москва!

Это ее ближайшее, точно предусмотренное и предпринятое, зафиксированное уже в четких директивах и строгих чертежах будущее, которое уже стало в значительной степени частью настоящего.

Вытянувшись лентой великолепные проспекты, окаймленные зданиями, в которых воплощены высшие достижения современной архитектурной мысли, рабочие окраины и загородные районы, конкурирующие по благоустройству и культурному быту с так называемым центром и тесно связанные с ним метро, автобусами, трамваями, глубоким водом и т. д., пышные парки культуры и отдыха, оспо-

сывающие пролетарскую столицу, бурное портовое движение, вызванное к жизни волной системы Волга — Москва, — кто угадает в этом городе-красиве вчерашнюю замкаганную, казачью, сахарную Москву, Москву «Параскевы-Пятницы», «Вшивых горок» и «Собачьих площадок»?

Но — дальше, дальше! Зал Наркомпроста, Наркомздрава и Академии наук. Пред вами — карты школьного строительства, из которых вы узнаете, что план перевыполнен почти в два раза; перед вами — образцы новых стабильных учебников, монографий о лучших советских театрах, продукция школьной самостоятельности, вещественные «доказательства» успехов политехнизации; перед вами — документы, диаграммы, цифры, говорящие о колоссальном росте сети здравоохранения, о крушении знахарства даже в самых отсталых уголках республики и об упрочении авторитета советской медицины, об углубленной научно-исследовательской работе, об изумительных опытах, за которыми с нескрываемым восхищением следит весь мир; перед вами — отчеты Академии наук, ставящие вас лицом к лицу с новым типом ученого, осознавшего всю плодотворность тесной связи теории с практикой, покочевавшего навсегда с кабинетным затворничеством, идущего в авангарде смелых разведчиков земных недр, воздушных и полувоздушных странств...

Дальше — энергетика, водный транспорт, дальше — легкая промышленность, пищевая промышленность, дальше — черная и цветная металлургия, нефтяная промышленность, сельское хозяйство... Их много, но очень много, этих огромных зал, искусно оформленных В. Стенбергом и Н. Филипповым, еще пахнувших свежей краской, непрерывно уплотняющихся новыми экспонатами.

Но никак нельзя обойти молчанием одну достопримечательность, один род экспонатов, как шут

ливо выразился возглавляющий примочную комиссию нарком просвещения Я. С. Бубнов:

«Это — те молодые, почти юные, пролетарские специалисты, которые дают консультации и пояснения посетителям выставки. Они — тоже завоевание революции: многие из них — кость из кости и плоть от плоти класса, победоносно изменяющего мир, — только благодаря Октябрь получили доступ к знаниям. Радостное ощущение связи со своим классом, гордость хозяев, владеющих несметным добром, сквозит в каждом их слове, в каждой уверенной интонации их голоса.»

ЯК ЭЙДЕЛЬМАН.



На открытии партсъездской выставки в Политехническом музее. Народный комиссар просвещения тов. Бубнов осматривает гондолу стратотата.

«НЬЮ-ИОРК ТАЙМС» ОБ АНГЛИСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В книжном обозрении «Нью-Йорк-Таймс», в обзоре, посвященном Англии, критик Хорнвалл выражает отсутствие драматического настроения, насыщенности и динамичности в произведениях современных английских писателей. Он противопоставляет английских писателей советским в пользу последних, подчеркивая у них наличие

всех вышеуказанных, недостающих англичанам, качеств. Единственный род литературы, который за последнее время действительно пользуется в Англии успехом, — это книги чувственных, издающиеся в большом количестве и всегда находящиеся сбыт. Многие из молодых писателей охотно подхватили эту тематику и пишут, по мнению американского критика, хотя и поверхностно, но свежо и увлекательно.

ХРОНИКА

В Америке, в издании Харрисон Смит и Роберт Хазс, вышла книга Мориса Хиндуса «Великое наступление». Тема книги — борьба за победу за коллективизацию сельского хозяйства. Особое внимание автор уделяет происходящему в процессе этой борьбы перевоспитанию масс в духе коллективизма. «Великое наступление» создано, — пишет он, — нового человека, с совершенно новым взглядом на мир и на свое положение в нем. Этот новый человек — крепкое существо, отделившееся от страха перед богом, от половых и семейных предрассудков и от боязни небеспечности; он — продукт новой идеи и символ нового общества.»

Новая антология американской литературы. Под общей редакцией Оскара Клариджа вышла пятитомная антология американской литературы. Том I («Корни национальной культуры») охватывает американскую литературу до 1830 года. Том II («Триумф романтизма») посвящен периоду 1830—1860 гг. Том III (1860—1888 гг.) охватывает «Возвращение реализма». Том IV («Социальное возмущение») охватывает период с 1888 года до начала мировой войны. Последняя американская литература собрана в V томе, носящем заглавие «Современные направления».

В Варшаве вышла книга А. Фоп Гюри «Малозвестная литература». В книге помещены монографические очерки о наиболее видных польских писателях: Сершевском, Кален-Бондовском, Налковском, Стефане Жеромском и др.

Романисты из генерального штаба

В начале января в Токио вышел роман, вызвавший сенсационный, почти скандальный успех. Реакционно-патристическая печать устроила ему необычайную по своим размерам рекламу. — Эта замечательная вещь, — писали газеты, — скоро станет любимой книгой каждого японского солдата и моряка.

Роман не имел ничего общего со старопатристической литературой и был написан вполне в европейском вкусе. Это был роман-утопия. Автор его, морской лейтенант в отставке Кисе Фукунага, видимо, основательно изучил технику англо-американского фантастического романа, в частности, романа Уэльса. Но не только в этом претендует он на литературное родство с английским писателем. Его книга весьма недвусмысленно переключается с последней уэльсовской утопии «Очертания грядущего», утопии о будущих войнах и судьбах цивилизации.

Фукунага, как и Уэльс, берет в основу свои же концепции: Япония против Соединенных Штатов. Он так и пишет в заголовке: «Записки о будущей войне между САСШ и Японией». Но разрешает он эту тему по-своему.

Если для Уэльса будущая война — это путь к дальнейшим социальным катастрофам, приводящим в конце концов к полуфашистской «диктатуре образованного меньшинства», то Фукунага преподносит уже откровенно фашистскую теорию. Для него, как для всякого патристического мыслителя японца, да еще офицера японского флота, война — это «очищение» мира, путь не к катастрофам, а к возрождению. Если Уэльс, ставшая Японию в САСШ, хладнокровно жертвовал флотом обеих держав, то Фукунага жертвует японским флотом не хочет. Японский флот у Фукунага — это герой романа, и каждая страница книги — это гимн японской военной мощи, японской доблести и остро японских штыков.

В «Записках», как и в «Очертаниях грядущего», действуют не личности, а массы, не люди, а войска и дредноуты. В романе, впрочем, есть и индивидуальные герои, судьба которых начинается завязкой и завершается развязкой романа. Но этот герой почти символический, персонализация японского патристизма, литературный наделчик тех мифов, что фигурировали некогда перед военным судом в качестве убийц Инукайи.

Какой же подвиг совершает в романе этот не совсем обычный литературный герой? Подвиг не совсем обычный. Он даже рискует в своем футуристическом мире на офицеров не совершать таких «подвигов», ибо это противоречит рассудку и дисциплине. Сам же он, будучи на месте Маки, вероятно, поступил бы так же, добавляет он, но это, мол, касается его и никого больше.

Действие романа происходит в 1936 году после провала Вашингтонской конференции, когда конфликт между Японией и САСШ достиг небывалой еще остроты. Шанхайский рейд. На рейде японская миноноска «Нара» и американский флагманский броненосец «Хустон». И вот командиру миноноски приходит в голову безумная мысль выйти в море в одиночку, на которую не решаются правительство обеих держав. Маки не раздумывает. В ушах его звучит уже далекая му-

зыка будущей канонады, ему грезятся пушки, посылающие снаряды на побережье врага, эскадрильи, осыпавшие бомбами палубу вражеского броненосца, победоносный шаг наступающих японских дивизий. И он не колеблясь, совершает «акт, противоречащий рассудку и дисциплине»: мина отправляет «Хустон» на дно вместе с американским адмиралом и командой.

Маки, понятно, арестован, его везут в Токио и предают военно-полевой суду. Небывалое возбуждение царит в стране. Имя Маки провозглашено с благоговением, как имя великого героя. «Я хотел войны», — говорит Маки на суде, — пусть меня расстреляют, но история вынесет беспристрастный приговор. Она покажет, кто был прав».

Маки приговорен к расстрелу. Он стоит у стены перед выстрелом. Раздается залп. Но Маки остается невредимым. Пули не задевают его. «Вокруг его головы было сияние», — говорят матросы, — мы не виноваты».

Спасенный чудом, Маки остается жить: по японским законам, нельзя вторично приводить в исполнение смертную казнь. Страна ликует, «нерешительное» правительство падает, и мощная машина армии и флота приходит в движение.

Фукунага детально с сознанием дела описывает картины воображаемой войны. Она ведется на море и в воздухе и на суше, где японское население САСШ взрывает заводы, укрепления, мосты. Автор буквально смакует описание диверсионных актов. На крейсере «Оклахома» подкупленный японцами матрос расстреляет в трюме целую серию десных машин. «Оклахома» проходит Панамский канал. Машин взрываются, гибнет судно, гибнет канал, разрушенный силой взрыва.

Гигантское морское сражение происходит в тихоокеанских водах. Сначала Япония побеждает в воздухе. Американские авиатанки пулены ко дну, американские эскадрильи гибнут в бою с японскими воздушными силами. Американский

Рис. ЛИСА.



«В мечтах о герое романа»

флот обезоружен, лишившись воздушной защиты. Он еще пытается защищаться, но японские суда парализуют морскую артиллерию противника. Тут автор совершенно забывает о патристических мечтаниях. Он не оставляет Америке ни малейшего шанса. Дождь бомб выводит из строя добрую половину американского флота, а остальные суда, славившись в плен, отправляются в Токио как военный приз.

Финал войны — на Гавайях. Японские суда захватывают американские колонии в Тихом океане. Смятенная Лига наций безоговорочно утверждает все права победителей, и в японском уже Герою подул, воздвигается памятник первому герою войны — великому лейтенанту Маки.

Этим и заканчивается роман, имеющий все шансы сделаться литературным евангелием японской военной клики. Естественно, что эти весьма недвусмысленные «Записки» вызвали настоячивые вопросы американских корреспондентов, атаковавших приемную военного министра Араки. Но Араки любезно разъяснил, что роман этот, мол, написан «для развлечения» лейтенантом в отставке и, следовательно, ничего официального в себе не содержит. Удовлетворившись на этом корреспонденты, но неизвестно, но мудрое «разъяснение» Араки довольно откровенно опровергалось публицистическим «ображением» книги, ее двумя адмиральскими предисловиями.

Одно из них написано вышеупомянутым адмиралом Като, другое — вице-адмиралом Суэцугу. Като является членом верховного военного совета, а Суэцугу — главнокомандующим японским флотом. И оба они написали, что роман Фукунага «отражает мечты каждого японского патриста» и является не только «книгой для развлечения», но почти техническим руководством для будущей войны. А вице-адмирал Суэцугу с поистине солдатской прямотой даже признался, что был бы вполне удовлетворен таким характером и оборотом войны и был бы горд, если бы начальником его штаба был сам автор романа.

Эти разъяснения были куда откровеннее «разъяснения» Араки. Они отражали чаяния и настроения фашистской военной клики в той же мере, в какой отразил их и сам роман. Они объяснили и причины, его сенсационного успеха, созданный агентурой японской военщины.

Любопытная подробность. Надпись американские таможенные власти в Гонолулу задержали 77 ящиков, прибывших с пароходом «Чинбу-мару» в адрес местного японского консульства. В каждом ящике было около сотни экземпляров «Записок» Фукунага. Впоследствии такой же «груз» был перехвачен в Сан-Франциско. Тут уже дело нашло не «романом», написанным для «развлечения», тут расплывалась та же рука, что инстинктивно флашистского автора, подбиралась под его струю и продвигала на рынок эту «литературу» в офицерском мундире, сочиняемую мильяками на японского генерального штаба.

А. АБРАМОВ



ФРОНТИСПИС КНИГИ Я. ИЛЬ ИНА «БОЛЬШОЙ КОНВЕЙЕР».

КНИГИ

С. Годниер
«ЧЕЛОВЕК С ВИНТОВОЙ»

Эта повесть о первых полкостабельских боях, о «становлении» протекторской военной стратегии, о переплетении тысяч деклассированных империалистической войны людей в целустремленных пролетариев, начинающих правильно ориентироваться в сложной действительности и понимать организующую, руководящую роль большевизма.

Главное действующее лицо книги — Первый смешанный красногвардейский отряд, получивший задание ликвидировать белогвардейскую группу Бека, продвигающуюся на помощь ген. Каледину. Надо отдать автору должное: Первый смешанный не выступает в повести неким «сплошником», бесформенной массой, за которой неразличимы остаются индивидуальные черты формирующихся ее элементов. Перед читателем проходит разнообразная галерея фигур, и каждая имеет свою биографию, свое лицо. Правда, не все они органически входят в ткань повести, некоторые из них, продвигаясь вперед, оказываются лишними. Наиболее удачен образ командира отряда Герша Кеслера, еврейского рабочего, получающего, как правильно догадывается другой персонаж повести — Окунов, свое политическое воспитание на «записных книжках» национал-социалистической партии и потому не отделившегося еще от «пята» мелкобуржуазных желаний и настроений. Процесс освобождения от этих «пятен» Годниер показывает довольно убедительно.

Ярки запомнившимся мазком дана также в книге фигура старого большевика-начальника Андрея Каледина. Зато явная неудача — образ классовых врагов. Здесь в голосе писателя звучат фальшивые ноты. Следует отметить удачный ряд мелких исключений перевод М. Шамбадала и Д. Гликина и не совсем количество... опечаток, затмевающих нередко самый смысл фразы.

Я. Э.—Н.

ГИИЛ М., 1933, стр. 232, ц. 2 р. 50 коп., п. 50 коп.

Борис Ручьев
«ВТОРАЯ РОДИНА»

Эту книгу стихов нельзя рассматривать в обычном критическом микроскопе. Эта книга — молодая, — может быть, даже слишком молодая.

Уже в первом стихотворении мы наталкиваемся на технические неполадки. Неудачные обороты вроде: «тишину и отдых побросав», «по-хозяйски чуюк и общен» встречаются в большинстве стихотворений.

Есть в них и примитивная агитационность, неформальные лозунги, схематичность, недоработанные образы.

Но многое искупается цельностью и направленностью книги. В отличие от многих сборников стихов, объединенных только хронологически, в ней есть твердый тематический стержень. Все стихи связаны в них одним личным образом, который доходит до читателя во всей своей конкретности. В книге есть герой — человек, созданный нашим строителем. Вышедший отходник, крестьянский парень, который нашел «вторую родину» на производстве.

Новая тема дает возможность нащупать пути к созданию новой формы.

В стихотворении «Артель-бригада» удачны те места, которые определяются четким идейным установкой автора. Так, например, даже пейзаж дается не образной статикой, а в становлении:

Еще у предгорий не взорваны
сплны,
и ветер киргизского домрой
поет,
и город лежал еще в тихой
разметкой масштаба великих
работ.

Автору можно пожелать только расширить свой поэтический арсенал. Пока в его стихах преобладают интонации песни. Но поэту новые темы нужны и новые, более свободные ритмы.

Нужен сильный, мужественный голос.

В. Т.

«Советская литература», М., 1933, стр. 76, ц. 1 р. 25.

Обзор печати

ТИПИЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

«Теперь уже все признают, — говорил 26 января в своем докладе XVII съезду партии т. Сталин, — что наши успехи велики необычайно. Страна переведена в сравнительно короткий срок на рельсы индустриализации и коллективизации. С успехом осуществлена первая пятилетка. Это рождает чувство гордости и укрепляет веру в свои силы у наших работников».

Если из всей суммы успехов, которыми ознаменовано трехлетие, протекшее между съездами партии, выделить достижения культурного фронта и в частности литературы, то одним из первых следует назвать рост и углубление так называемой областной (краевой, районной) литературы. Разнообразные географический и культурный уклад областей и краев, входящих в наш великий Союз, рождает все более крепнущую количественно и качественно литературу, создаваемую писателями данного края или области, отражающую специфику именно данной области или края.

В этом смысле Западные области, однадневная «Литературная газета», которой выпущена к XVII партсъезду местным союзом советских писателей, представляет собой показательное и разностное явление. Последние три года роста литературы Западной области никак не могут быть сравнены с предыдущим периодом, хотя бы потому, что до 1930 года в Смоленске было издано в разные годы только несколько литературно-художественных сборников. За последние же три года писатели области написали и издали десятки книг, большое количество сборников, альманахов и т. д. В 1931 году начались издания областной литературы. «Наступление», а также произведенный областной писателями за три года превысил 100.000 экземпляров. Создается — и это начинается следуют приветствовать — областная литература для детей (сборник «Дети черты»), областная оборонная литература. Ряд писателей, выросших в области (Завьялов, Твардовский, Куликов, Рыленков, Исаковский, Ильинков и другие), печатается и издается в центральных издательствах.

Не менее важным является то, что этот количественный рост за последние три года сопровождается повышением качества областной художественной литературы. Идеально-художественный рост писателей Западной области состоит в том, что они ставят и стремятся художественно разрешить основные хозяйственные, культурные и бытовые проблемы на материале своей области, живых ее людей. Не

случайно поэтому большая часть писателей Западной области заняты тематикой колхозной деревни (поэмы, стихи и очерки Твардовского, стихи и очерки Твардовского, Рыленкова, Фискина, Дворского, Горбаченкова, очерки и рассказы Шургины, Загородного, Павлова, Долголенкова и др.). Меньшее место занимает в творчестве писателей области производственная тематика — и не потому, что в области мало соответствующих объектов. Здесь, очевидно, как констатирует «Литературная газета Западной области», дело главным образом, в том, что большинство писателей «недостаточно крепко связано с основными производственными предприятиями области, не столько, сколько надо, бывает на новых стройках». И газета совершенно правильно видит в этом свидетельство отставания областной литературы от действительности — потому, что только активное включение писателя в самую гущу социалистической практики обогащает его глубоким знанием жизни.

Писатели, работающие на производственной тематике (М. Завьялов, В. Кудимов, очеркист Мандриков, рабоче-писатели Степанов, Поканский, Соболев, Михайлов, Крутые), еще далеко недостаточно глубоко знают состояние областного производства. И поэтому не могут быть сравнены с предыдущим периодом, хотя бы потому, что до 1930 года в Смоленске было издано в разные годы только несколько литературно-художественных сборников. За последние же три года писатели области написали и издали десятки книг, большое количество сборников, альманахов и т. д. В 1931 году начались издания областной литературы. «Наступление», а также произведенный областной писателями за три года превысил 100.000 экземпляров. Создается — и это начинается следуют приветствовать — областная литература для детей (сборник «Дети черты»), областная оборонная литература. Ряд писателей, выросших в области (Завьялов, Твардовский, Куликов, Рыленков, Исаковский, Ильинков и другие), печатается и издается в центральных издательствах.

«Литературная газета Западной области» дает богатое, но недостаточное наглядное представление о тех новых кадрах, которыми пополняется литературный фронт Союза Западной области. Сама газета — факт ее выхода, ее содержание и оформление — неоспоримый признак литературного роста области.

И самое важное — Западные области не исключение, а типичное явление.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ И. С. ТУРГЕНЕВА

НАЙДЕНО 59 ЛИСТОВ ТУРГЕНЕВСКИХ РУКОПИСЕЙ

Автографы произведений И. С. Тургенева известны в сравнительно небольшом количестве. Гос. Исторический музей из обширных материалов рукописных собраний может представить только один расказ «Притянутый кабачек» (впоследствии — «Пещеры»).

Теперь в тех же рукописных фондах найдены материалы к подлинному собранию сочинений И. С. Тургенева: 59 листов автографов Тургенева.

В них заключаются произведения 1 тома сочинений (изд. 1869 г.) — «Литературные и житейские воспоминания», «Вместо вступления», «Литературный вечер у Панаева»,

«Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин)», «По поводу «Отцов и детей», дополнение и исправления статьи «Воспоминания о Белинском» (по тексту «Вестника Европы»).

В автографах представлены известные варианты и дополнения к повести «Два приятеля» и роману «Дым».

Все автографы — беловые. Но и в них немало следов тщательной работы Тургенева. Так, например, знаменитая «Аннибаловская клятва» появилась только в беловом тексте над аккуратно зачеркнутой строкой иной редакции.

«Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин)», «По поводу «Отцов и детей», дополнение и исправления статьи «Воспоминания о Белинском» (по тексту «Вестника Европы»).

В автографах представлены известные варианты и дополнения к повести «Два приятеля» и роману «Дым».

Все автографы — беловые. Но и в них немало следов тщательной работы Тургенева. Так, например, знаменитая «Аннибаловская клятва» появилась только в беловом тексте над аккуратно зачеркнутой строкой иной редакции.

«Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин)», «По поводу «Отцов и детей», дополнение и исправления статьи «Воспоминания о Белинском» (по тексту «Вестника Европы»).

В автографах представлены известные варианты и дополнения к повести «Два приятеля» и роману «Дым».

Все автографы — беловые. Но и в них немало следов тщательной работы Тургенева. Так, например, знаменитая «Аннибаловская клятва» появилась только в беловом тексте над аккуратно зачеркнутой строкой иной редакции.

«Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин)», «По поводу «Отцов и детей», дополнение и исправления статьи «Воспоминания о Белинском» (по тексту «Вестника Европы»).

В автографах представлены известные варианты и дополнения к повести «Два приятеля» и роману «Дым».

Все автографы — беловые. Но и в них немало следов тщательной работы Тургенева. Так, например, знаменитая «Аннибаловская клятва» появилась только в беловом тексте над аккуратно зачеркнутой строкой иной редакции.

«Гоголь (Жуковский, Крылов, Лермонтов, Загоскин)», «По поводу «Отцов и детей», дополнение и исправления статьи «Воспоминания о Белинском» (по тексту «Вестника Европы»).

В автографах представлены известные варианты и дополнения к повести «Два приятеля» и роману «Дым».

Все автографы — беловые. Но и в них немало следов тщательной работы Тургенева. Так, например, знаменитая «Аннибаловская клятва» появилась только в беловом тексте над аккуратно зачеркнутой строкой иной редакции.

КНИГА О ШЕСТОМ ЧУВСТВЕ

БОЛЬШОЙ КОНВЕЙЕР Я. ИЛЬИНА

Г. МУНБЛИТ

В этой книге, незавершенной и угловатой, без точно разработанного сюжета и стройной системы выполняющих предначертания автора действующих лиц, есть то единство, которое отличает подлинную литературу от фантастических безделушек. Эта книга не отвлекает от виденного сегодня, не переносит в мир округлых жестов и сверкающих глаз. Явления, о которых она повествует, не приобретают в ней не свойственную им симметричность, не становятся искусственно живописными, слишком сложными или слишком простыми.

И вместе с тем, прочтя книгу, читатель увидит в этих явлениях нечто новое, читатель по-новому их осмыслит, читатель по-новому их поймет.

Потому что уровень понимания вещей, на котором написана книга, сделает ясным читателю их смысл и суть, потому что уровень этот, доступный лишь людям, обладающим миром по разработанной точно программе, был достигнут автором этой книги прежде, чем он ее начал писать.

Эта книга — о людях и технике, о той роли, которую надлежит играть технике в жизни людей, и о роли, которую сыграла революция в истории техники.

Автор отчетливо понимает смысл борьбы за индустриализацию в нашей стране. Он далек от того, чтобы представлять себе технику, как самодель. И вместе с тем он знает, что новая жизнь формируется не заклинаниями.

Он знает также, что в борьбе за социалистическую технику в наших условиях, в борьбе за освоение

массового поточного производства, как нигде на другом участке, производится люди.

Потому что построив и освоение величайшего в мире тракторного завода он делает средоточием своего романа. Потому свое отношение к людям, о которых он пишет, он определяет в зависимости от их пригодности к борьбе за социалистическую технику, от их воли к преодолению препятствий, стоящих на этом пути.

И роман становится, средоточием вопросов, стоящих сейчас перед нашей страной, роман оказывается в центре тех интересов, какими она сейчас живет.

Наш читатель требует, чтобы книга отвечала его запросам и настроениям, наш читатель ждет от книги нового строя мысли, типов, ощущений, дум. Он не любит жвачки, пресности, тошнотливых поучений, восклицательных знаков, лакированных серостью мысли, — пишет Яков Ильин в предисловии к своей книге.

Он достиг своей цели. Тема, взятая им, с великим строгим запросом читателя. И в тракторе ее нет ни пресности, ни тошнотливых поучений, ни восклицательных знаков.

Книга явственно устремлена. Книга борется. Книга преодолевает. Но без отвлеченной дидактики, без назидательного-указующего перста, без патетического разоблачения. В ней нет тщательно сконструированных праведников и яростно выпливающих злодеев. В ней борются и любят, учатся и работают живые люди с великим строем мысли и чувств, в реальных условиях, на отвлеченном участке истории.

Люди построили величайший в мире завод. Построили в степной, отсталой, крестьянской стране. В стране, где существовали пять названных Лениным общественно-экономических укладов. В стране, где сохранились еще соха, в стране, где грязь, невежество, дикость и суевверие воспитывались столетиями, где существовала еще кровавая месть и сев из лукашка, где умная девушка и стреляла из лука.

Каждому, что завод в этой стране — чужероден. И, впервые возникшая в романе перед глазами одного из героев, он выглядел именно так.

«Завод возник, как огромный ослепительный макет. Это была трехмерная фотография из американского каталога. Здания цехов казались перенесенными, переажеными извне, как растения на новом, пустынную пока еще почву».

На заводе работают люди. Люди, еще недавно умывавшиеся дедушек и бабушек из лукашка. Люди, которых нужно научить работать на сложнейших станках, в тончайшем производственном режиме, в условиях тщательнейшей согласованности между отдельными операциями.

Для этого необходимо конкретное, умное и деловое руководство, для этого нужна точно разработанная программа, нужна ясно видная, продуманная и реальная цель.

Роман Ильина борется за эти методы руководства, разрабатывает эту программу, формулирует эту цель.

Пусть не думает читатель, что задачи эти не под силу литературе. Пусть не думает он, что, перегруженный ими, роман Ильина не остается быть романом. Ибо они не побочны в романе (в этом смысле они неизбежны) — пережуркают его, а находятся в его центре. Ибо все спешившая романа, как литературного жанра, осмыслена здесь, как метод борьбы за социалистическую перестройку мира, а не принесена в жертву этой борьбе.

Спор о методах руководства заводом Ильин показывает не отвлеченно. Живые люди проходят перед читателем, воплощая в своих поступках и мыслях систему взглядов и навыков, им свойственную.

Так возникает в романе Игнатов — начальник строительства и директор завода, за которым укрепилась слава человека решительного, самостоятельного и властного, которому «все ничто», который свое возмездие, который знает об этой славе и дорожит ею. Ему сопутствует своя манера работы — штурмовая, субботники, самоотверженность, пламенное митингование, шумное поощрение, яростные разносы.

Стройка при нем подвигается скачками, неожиданные победы сменяются поражениями, система отсутствует, плана нет. И когда дело доходит до освоения производства, порочность игнатовских методов руководства сказывается с особенной остротой. Завод лихорадит, конвейер стоит, люди измотаны, выпуск тракторов минимален.

Ильин не разоблачает Игнатова прямолинейно и безоговорочно. Облик этого человека временами вызывает читателя симпатию. Игнатов великодушен в беседе с американскими фабрикантами, на сдвиге хвосты, в эпизоде войны за жалде. Он не все еще понял новых условиях, не перестроился, не

научился работать по-новому. Но пути ему не заказаны, партия передельная и не таких, как он, — партия нуждается в таком человеческом материале.

На смену Игнатову на завод приходит Барков. Не пытаясь разорваться в сути трех трудностей, которые тормозят освоение завода, он искусственными методами гонит вверх выпуск тракторов. В споре между американскими и русскими инженерами он принимает сторону русских, и на заводе, построенном по американскому типу, готовы восторженно приветствовать тенденцию людей, задумавших «подкачать агающую Бюху». Недостатки в организации производства, возникшие при Игнатове (кстати стороннике «американцев») углубляются при Баркове. Завод попрежнему работает плохо, вопрос о методах руководства заводом попрежнему не решен.

И тогда вместе с новым директором завода Селиверстовым возникает в романе шестое чувство, Даника, как новый угол зрения, как мировоззрение, целиком отвечающее новым условиям, как ответ на вопрос, над которым мучительно бьются сменяющиеся друг друга директора, они, кроме того, играют в романе роль сюжетного разрешения, роль кульминации.

Они могущественно врываются в жизнь завода, в жизнь работающих на нем людей. Они — не политическая сенсация, узнаваемая на службе, а фактор, коренным образом меняющий быт людей, их психику и манеру работать. О них даже нельзя сказать, что они «умело влиты» в роман, потому что их значение в романе перестепенно. И в этом — заслуга Ильина, в этом — сила его книги, в этом — секрет ее тематического единства.

Вторая задача, которую ставит себе Ильин, — разработка программы организации производства. Так же, как и в вопросе о методах руководства, спор решают живые люди.

С одной стороны, группа американских и русских инженеров, бывавших в Америке и отстаивающих американскую программу организации. С другой — русские инженеры, сторонники критического отношения к американцам, сторонники пересмотра норм и взглядов импортного производства.

И опять без нажима, без подкрепления и многозначительной акцентировки, Ильин дает этот спор в живых эпизодах, в столкновениях людей на предельно конкретных участках. Разрешает спор на этот раз тезис, воплощенный в

живом человеческом образе, тезис, беспощадность которого доказывается не словами, а всем обликом этого человека. Роль эту играет в романе инженер Бобровников — плотный, веселый, умойющий работать, думать, веселиться и любить его в романе во всех спорах и столкновениях, в каких он показан, симпатии читателя неизменно склоняются на его сторону, — не только потому, что он всегда прав, но еще и в силу того объяснения, каким является его образ автор. Спор между «русскими» и «американцами» решает самое присутствие Бобровникова в романе. Именно он, сочетающий блестящее знание своего дела с умением отдавать всего себя этому делу, воплощает в себе революционный размах, соединенный с американской деловитостью. Именно в нем органически слиты те, казалось бы, несовместимые противоречия, которые ставит перед «американцев» и «русских» в беспамятных и озлобленных спорах.

Итак, методами искусства роман Ильина разрешает два основных вопроса нашей действительности — вопрос о методах руководства социалистическим предприятием и вопрос о принципах его построения.

Но остается еще вопрос о цели всего того, что на заводах, в деревне, в стране сейчас происходит, и как частность его — вопрос о том, какую роль надлежит играть технике в жизни людей.

Ильин ясно, что восприятие техники, как самодель, — почва для делового, ограниченного, сууженного взгляда на вещи. Он понимает, что самая постановка вопроса в этом плане была бы чрезмерно упрощенной. Поэтому спор о цели и о роли техники в достижении ее он поворачивает иначе.

Здесь на первый план выступает Гаган — зав. культурным парком Волжского тракторного завода. Ему принадлежит последнее слово в споре. Он формулирует цель, ради которой совершается все, о чем рассказывает Ильин в романе.

Чувство меры и художественного вкуса не покидает Ильина и здесь. Гаган далеко не является схематичным зиронным носителем истины на всем протяжении повествования. В начале романа он делает много ошибок, он многого еще не понимает, он еще не определился и не устроен в себе. Но он вырастает вместе с заводом. И заключительная его речь о счастье звучит не как одна из неопровержимых истин, изреченных «положительным персо-

ЛИТКРУЖОК КРАСНОЗНАМЕННОГО ЦАГИ

ЗАВОЕВАТЬ ПРАВО!

Ударной и оперативной работой литкружок ЦАГИ завоевал себе полное право на рапорт авангарду большевистской партии — XVII партсезду. Победных итогов литкружковцы добились на основе большевистских темпов работы всех заводских организаций под руководством парткома. Сила и успехи кружка коренятся в его повседневной, тесной и органической связи со всеми звеньями заводского коллектива.

Вызов, брошенный московским литкружкам кружковцами ЦАГИ, должен привлечь к себе внимание широкой литературной общественности. Ценность документа заключается в том, что подготовку к сезду писателей они поднимают на более высокую ступень, подчеркивают узловые вопросы литмассового движения на сегодняшний день и выдвигают показательные образцы работы литературного кружка.

Что подготовка к писательскому сезду по линии литмассового движения идет сейчас замедленным темпом, это верно и не требует доказательства. Достаточно указать, что на таких гигантах, как завод «Динамо» и завод им. Сталина, литкружки не имеют руководителей, не ведут систематической литературно-творческой работы, массовой работы и в подготовке к сезду почти не участвуют.

Опыт литкружка ЦАГИ доказывает, чего могут добиться кружковцы, если они правильно понимают свои задачи, ведут свою работу в тесном контакте с заводскими организациями и литературно-массовым движением в соответствии с общезаводскими задачами. Программа занятий, построенная на учете конкретной обстановки, гибкие формы и методы работы превратили кружок в крепкую и действенную политмассовую организацию завода.

Было бы ошибкой утверждать, что литкружок ЦАГИ добился наивысших показателей, что вся система его работы — тот предел, на котором можно уже успокоиться. В своем документе кружковцы самокритически вскрыли свои промахи. И эти ошибки должны быть всеми учтены.

Какие главные выводы следует сделать из документа литкружка ЦАГИ?

Каждому литкружку надо пересмотреть всю систему своей работы с точки зрения проверки ее достижениями заводцев. Отстающие звенья должны быть подтянуты в ударном порядке.

Каждый литкружок должен включиться в сопоставление по показателям, выделенным кружковцами ЦАГИ.

Каждый литкружок обязан поставить перед собою и выполнять на деле следующую задачу: завоевать право на рапорт сезду писателей и право участвовать — своими художественными произведениями — в «Литгазете».

МАССОВОЕ ДВИЖЕНИЕ ИДЕТ НА ПОДЪЕМ

Рассказ литкружка ЦАГИ о своей работе

ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт) призван дать стране лучшие образцы летящих машин.

Мы, литкружковцы ЦАГИ, счастливы заявить перед лицом XVII партсезда, что наша деятельность неразрывно связана с борьбой всего заводского коллектива за построение социалистического общества, за укрепление Красного воздушного флота.

Наш кружок красноречиво молодой. Работа по-настоящему в нем началась год назад. Мы добились серьезных успехов почти на всех участках. Это не голословное заявление! В качестве подтверждения мы можем сослаться на то, что литкружок получил положительную оценку и премии от нашего завода — Оркомитета ЦСП и культотдела ВЦСПС.

Программа и методы нашей работы определяются следующей общей установкой: литкружок является массовой организацией, борющейся посредством художественного слова за производственную программу нашего завода.

Как мы строим занятия? Первые беседы были посвящены усению задач художественной литературы, ее специфики. Дальше план работы строился из учета заводской обстановки.

В таком же плане готовились и к МЮД. Подготовку к XVII парт-

сезду провели по следующей программе: ряд занятий по истории литературы, «Показ коммунистов в советской литературе» и «Язык сочинений Ленина и Сталина».

Для углубленной проработки основных произведений Алексея Максимовича мы организовали специальный семинар, в котором группа кружковцев выступила с самостоятельными докладами.

Занимаясь изучением особенностей художественного слова, мы кружковцы заинтересовались искусством художественной детали. Это обстоятельство совпало с 50-летием смерти Тургенева. И вот тема занятия строится не в плане общего разбора творчества этого писателя, а в суженном разрезе — «Тургенев и искусство художественной детали».

Творческие занятия мы ввели в систему. Проходят они не самоотдельно, а организовано. Мы поставили за правило, чтобы каждый вечер по возможности посвящался или одной теме или одному жанру.

Большое внимание уделяем массовой работе. Три условия определяют деятельность нашу на этом участке: 1) пропаганда художественной книги, 2) вовлечение активных читателей в литкружок и 3) оперативное включение творчества кружковцев в текущие заводские кампании.

За год работы мы организовали десять литературных вечеров и три читательских конференции. Цеха, барак, радиоузел — пункты нашей пропагандистской работы.

Каждое выступление литкружковца — это отчет о его работе и разъяснение идеи литературного кружка. Редкий вечер-выступление обходится без того, чтобы кружок не пополнился новым товарищем «подпольником», работавшим до того в одиночку.

В настоящий момент кружок насчитывает 28 человек из них рабочих — 18, членов ИТР — 3, женщины — 5. Творчески работающими: прозаиком — 10, поэт — 2.

Спор о задачах литературных страниц заводской газеты у нас разрешен давно, и тот факт, что кружок выпустил за год 40 страниц, говорит сам за себя. Мы стараемся включиться в оперативный план заводской газеты ЦАГИ и даем вещи, написанные на актуальнейшие темы.

В числе условий по подготовке к сезду писателей мы выставили обязательство выпустить следующие брошюры: об изобретателях, о лучших ударниках завода, о комсомоле ЦАГИ, о строительстве самолета им. М. Горького и брошюру о работе литкружка. Первая и последняя брошюры находятся уже в печати.

Общий культурный уровень кружковцев поднялся и поднимается неуклонно. Все мы отчетливо сознаем, что без высокой культуры, политической подготовки и критического освоения культуры

прошлого художественную литературу, достоинство нашей эпохи, создать невозможно.

Вот перечень книг, прочитанных отдельными нашими активистами за декабрь-январь: Ирько: «Неточка Незванова» Довженко, «Я люблю» Авдеенко, «Партийная организация и партийная литература» Ленина, альманах «Од 16-й», № 1 и № 2, «Семейная история» К. Финна, «Социалистический план науки» Куйбышева, рассказы Бабеля, статью в «Красной нове» о техинтеллигенции «Париж-кошмар», сборник «Военная литература» Ставского, «Большой товарищ» Ильина, статьи в «Литкритике» и «Литгазете».

Ф. Потоцкий: «Наталя Гарпова», «Сенатова», «Скутаревский» Леонова, «Натан Мудрый» Лессинга, «Дело Жукоской» Никулина, «Происхождение христианства» Каутского, «Литературный критик», хрестоматия диамата.

В. Васильев: третья книга «Тихого Дона», «Человек меняет кожу» В. Ясенского, «ЦАГИ» Н. Боброва, «Трест ДЭ» Эрзенбурга, «Ледолом» Горюнова, «Цусима» Новикова-Прибоя.

Максимачев: «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, «Конарния» Бабеля, «Цусима» Новикова-Прибоя, стихи Багрицкого, «Стихи у конюшера» Безыменского, «Человек меняет кожу» Ясенского.

Иришберг: проза Маяковского, рассказы Ставского, Стендаля «Ваня Ваня» (библиотечка «Огонек»), Новиков-Прибой «Солная кулея», первая глава «Материализма и эмпириокритицизма» Ленина, тезисы докладов Молотова, Куйбышева, Кагановича.

Ф. Соловейчик: «Осада» Бутковской, «Бруски» Панферова, «Жизнь Клема Самгина» Горького, «Я люблю» Авдеенко, «Война и мир» Толстого.

Ряд произведений кружковцев напечатан в центральной прессе. В «Труде» помещен рассказ Ирько «Секретарь цехачейки», в «Комсомольской правде» — стихотворение Михаила Смирнова, в журнале «Знамя» — очерк Соловейчика «Высший разряд» и ударник Куликова, в «Красной звезде» — очерк Коваленко о летчике Козлове, в «Молодой гвардии» — статьи Ирько и Соловейчика о «Занисках фабрика» Кондакова и «Осаде» Бутковской.

Заводские организации оказывают нам широкую и постоянную помощь.

В чем наши промахи? Ответить на этот вопрос значит одновременно поставить для кружка и очередные задачи.

Литкружок еще недостаточно вошел в жизнь заводского коллектива, не всегда вовремя и с успехом включается в борьбу за задачи предприятия. Заводская многотиражка в любой момент предоставляет нам свои страницы, но кружковцы не всегда бывают готовы дать в них свои материалы.

Далеко не достаточно мы мобилизовали общественное внимание рабочих к сезду писателей и успехам в достижении и успехах в получении солидного опыта. Но даже наиболее способные из нас еще не подошли к созданию обобщенного художественного образа на заводском материале.

Далеко еще не на высоте в формальном отношении стихи, очерки и рассказы даже наиболее опытных кружковцев. На этом участке нам предстоит также поработать напряженно и старательно.

Рапорту о своей работе, подводя итоги достижениям и успехам, мы в порядке подготовки к сезду писателей берем на себя следующие обязательства:

1) мобилизовать все силы на пропаганду и популяризацию в художественной форме решений XVII партсезда;

2) еще более усилить подготовку встречи сезда писателей и 3) добиться активизации читателей масс ЦАГИ и подготовить резервную художественный счет писателям нашей страны.

Бери на себя эти обязательства, мы вызываем на сопереживание все кружки Москвы.

Литкружок, добившийся наилучших результатов, получает право на рапорт к сезду писателей и право печатания лучших произведений кружковцев на специальной странице «Литературной газеты».

В качестве арбитра просим участвовать Оркомитет ЦСП, «Литгазету» и культотдел ВЦСПС.

По поручению литкружка ЦАГИ старостат кружка: КОВАЛЕНКО, ИВАНОВ, МАКСИМАЧЕВ.

Создается новая литературная среда

ЧТО ПРИВЕЛО НАС В ЛИТКРУЖОК

А. КОМКОВ

ПЕРВАЯ ЧИТКА

Однажды к моему станку подошел литкружковец Иванов (Ирько). Он поздоровался со мной и предложил зайти на занятие кружка.

— Вот увидишь, интересно будет. Ты почитаешь нам, мы тебе... Кстати, и я буду сегодня читать. Приходи обязательно.

До того я ни разу не посетил кружок. Работать предпочитал в одиночку, а коллектива почему-то чуждался.

На кружке мне пришлось читать первым. Прочел и насторожился в ожидании критики. Каюсь, потовот раздался смех. И я уже чувствовал, как у меня душа уходит в пятки. Но на меня смотрели серьезные глаза литкружковцев.

Выступают Смирнов, Коваленко, Соловейчик, Иванов, Иришберг, отмечают хорошие и плохие стороны моего творчества, предупреждают о трудностях литературной работы.

С этого вечера я стал постоянным энтузиастом кружка. Я напечатал в многотиражке ЦАГИ рассказ «Первый полет», а теперь пишу повесть «Строну» о самолете им. Горького.

«НАША НЯНЯ»



Кружковцу каждому известный Ротач преданной и честной, Его от — газетный лист, Присяжный ЗОК очеркист, — Наш славный Иванов-Ирько. Ему, бедняге, не легко: Ухаживает он за нами Прилежной самой лучшей няни.

МАКСИМАЧЕВ.

С. ЖЕРЕБЦОВА

ПРИ УСЛОВИИ...

Меня привлекала мысль, что я могу стать писателем. Мне думалось, что писательство — дело легкое. Год пребывания в кружке научил меня смотреть серьезнее на литературу. Я убедилась, что стать писателем можно, но при том условии: если будешь над собою много работать: читать, наблюдать, прислушиваться и писать.

Ф. СОЛОВЕЙЧИК

НИКАКОЙ ОБИДЫ

День перед занятием литкружка тянется бесконечно долго. Чувствуешь, что очередное собрание принесет что-то новое, еще больше обогатит знания и литературный опыт.

Что так привлекает к кружку? Почему так интересно здесь его занятия? Товарищеской спайкой — вот чем в первую очередь привлекает кружок.

Приходим из цехов в комнату кружка, начинаем шумно делиться друг с другом последними известиями.

— Что написал за последние дни? — Ты прочитал «Цусиму», дай ее мне.

А какши подлинно товарищеским вниманием окружают друг друга кружковцы при чтении рукописи! Работа критикуют и здорово критикуют. Но почему-то еще ни разу ни у кого не появилось чувство обиды. Наоборот, каждый благодарит кружок за помощь творческому росту.

МИХ. СМЕРНОВ

ПЕРВЫЙ ВЫЛЕТ

Аэродром, шоссе, пригорки красной тольги и знамен полты.

Сегодня летит крылатый «Горький», Сегодня день первого вылета. Шурит небо под тысячами глаз.

Тысячами радостных лучиков. Какой улетает первый раз, А дальше построим больше и лучше.

Наших грядущих побед буревестник, с сердцем железным, стальными нервами Скажет миру с трибуны поднебесной: «В победах мы были и будем первыми!»

И ревом моторов оркестры выес, Мягко качаясь на лапах песка, Гигант-самолет со старта впервые мощное тело свое уноси.

За ним торопливо стая мушной, Строем сомкнувши крылья, Шли за могучим флагманом иштинским Первой агитскадралью И гулкому небу и степи песне отведная дружным раскатом земля: «Вперед, агитатор, буревестник, гигант, На стройки наши, На наши поля!»

Очередное

11 февраля литкружок проводит конференцию по деловой литературе совместно с группой писателей «Молодой гвардии».

Старшина кружка Л. Коваленко сдал в Авиаподат книгу об изобретателях ЦАГИ.

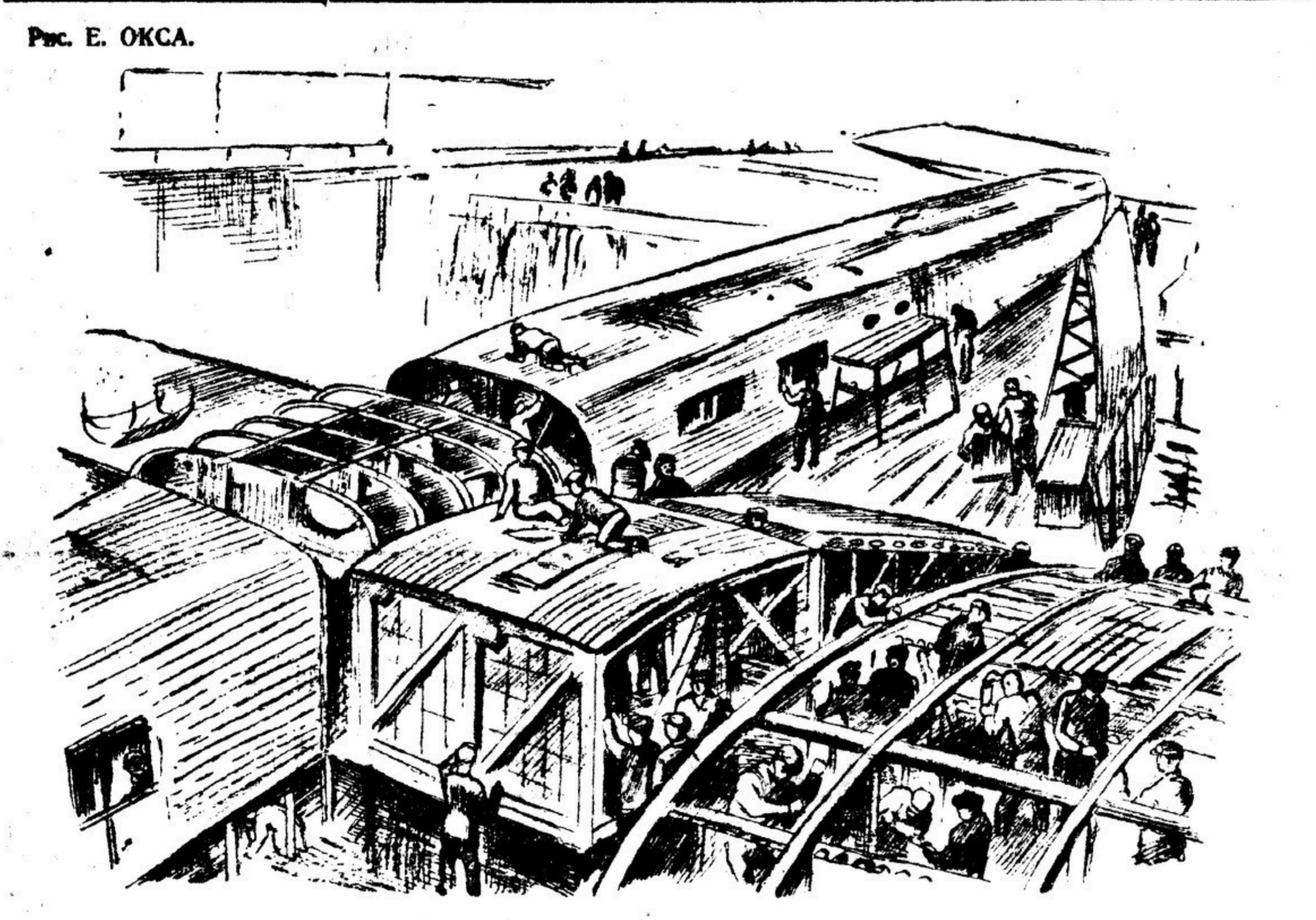
Ф. Соловейчик, Ирько и Комков сданы на конкурс «Комсомольской правды» ряд очерков и рассказов.

Очередная тема занятия по семинару Горького — «Горький и начинающие писатели».

На последнем заседании бюро принято решение о выпуске в газете ЦАГИ страницы юмора и сатиры.

Литкружок создал свои филиалы в школе ФЭУ и в бараках на Синичке. Для руководства кружками прикрещены лучшие кружковцы.

Литкружок готовит читательскую конференцию по «Скутаревскому» Леонова. Выработан вопросник, который роздан участникам конференции.



Строющийся гигант-самолет «Максим Горький».

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

ЕФИМ ЗОЗУЛЯ

Давно хочется написать ряд писем молодым писателям. О прозе, о поэзии, о сатире, лирике, о новелле, о белом стихе, о песне, о новаторстве, о быте, о многом, очень многом другом. Это нужно сделать и, по возможности, неотложно. Но сейчас первое письмо — о литкружке ЦАГИ, опыт которого весьма значителен, потому что это опыт литературной работы, тесно и непосредственно связанной с производством, т. е. дело не только в том, что литкружковцы сами работают на производстве, а в том, что свое литературное творчество они связывают с задачами своего профинпланна и производственного графика.

Совершенно неизбежно, что советская литература не может расти отдельно от социалистического строительства, и поэтому опыт литкружка ЦАГИ должен стать темой для обсуждения в других кружках и для широкого ознакомления с этим опытом.

В чем он заключается? Как будто бы, в этом нет ничего нового, — скажут многие. Разве не на каждом заводе, где есть литкружок, члены кружка пишут о своем производстве?

Верно, но кружок ЦАГИ решительнее, выдержаннее и принципиальнее идет по этому пути, причем — существенное добавление — литкружковцы ЦАГИ пишут не только о своем производстве, но и для своего производства, для его улучшения, для его укрепления и роста.

Несомненно, конкретное дело принципиальной значимости начал А. Безыменский, когда сдвинул на завод и заснял его своими четверостишиями, которые рабочие находили на станках, на бутылках молока и т. д. Он заново, практически, конкретно показал, что художественное слово может служить непосредственным целям производства и первостепенно — людей на производстве.

Сейчас литкружок ЦАГИ в своем виде, более организованно, систематически показывает, что это осуществимо и действительно.

Конечно, нет нужды превращать такой метод работы в догму. Сиемца, а не только вредна была бы любая догма, приносящая к нашей искусству. Неправильно было бы создавать теорию, что нужно писать только о производстве. Зачем? В пределах социалистического реализма (а эти пределы беспредельны, ибо это единственно правильное направление нашей литературы, рожденной социалистиче-

ской конкретностью нашей страны) можно и нужно писать обо всем, о чем «жаждет душа», ибо неотвратима наша страна и неизмерим источник даваемых ею разнообразнейших тем.

Но все же опыт литературной работы, самым тесным образом связанной с производством, — опыт интересный и поучительный.

М. Горький рекомендовал писателям писать вместе с учеными. Опять-таки он это рекомендовал не в качестве догмы — можно писать и с учеными и без ученых, но, несомненно, создадутся какие-то замечательные произведения, написанные писателями совместно с учеными.

Есть уже поэты, мечтающие об особом виде научной поэзии, как и о многих других видах и поэзии и прозы. Советская литература вносит и научную поэзию и всякую иную, и коллективное творчество, и индивидуальное, и бесконечное многообразие всяких других форм и методов.

Но — опять-таки — опыт литературной работы на производстве и для производства, для его улучшения, для более полного, всестороннего, глубокого и тонкого выполнения профинпланна, для действительной — не на словах, ибо об этом бесконечно много говорят, а на деле — переделки людей, — опыт глубоко интересный и достойный пристального изучения.

Мне довелось присутствовать на одном из собраний литкружка ЦАГИ, где два литкружковца своеобразно отчитывались в своей работе.

В чем было своеобразие этих творческих отчетов? Отчитывались и в других кружках, т. е. читают свои произведения, которые тут же и обсуждаются.

Своеобразие заключалось в том, что отчитывающийся тут же приводил факты, описанные факты, свидетельствующие о реальном воздействии, реальной пользе, присущей этим произведениям на заводе.

Поэт Т. Максимачев читал свои стихи, но более внимательно оглашал документы, наглядно говорящие о воздействии его творческой продукции. Например, в ЦАГИ изданы ломовые воззники, привозят материалы, получая «на чан». Если же не всегда получали, то, во всяком случае, всегда требовали. Одно из сатирических стихотворений рабочего-поэта ставило себе целью раз и навсегда покончить с

этим рабам пережитком. Стихотворение было написано и помещено в стенной газете. Оно было исполнено такой силы, выразительности и конкретной направленности, что воззники коллективно решили прекратить вывозить чашевых. И действительно, покончили.

Великий сатирик Свифт горько жаждал, что его сатирические выкладки недействительны. Никто, — жаждал он, — не исправлялся, и отчаяния делал выходы о неужности сатиры вообще. Как он мечтал хотя бы о том, чтобы несколько человек исправилось после прочтения «Сказки о бочке» или «Удальвера». Стоит прочитать в «Сказку о бочке» или в другие произведения Свифта, чтобы понять, как глубоко была его тоска. Можно также и на творческих опытах других, таких же крупных и менее крупных сатириков проследить, как беспредна во многих отношениях сатира в капиталистических странах, где, как замечает Свифт, сатира представляет собой миф, который каждый может кинуть легко отшвырнуть в сторону соседа.

Глубокое сознание плодотворности своей работы, которого не имели даже великие сатирики буржуазных литератур, имеет любой советский сатирик, если только он занимается не зубокальством, а конкретной советской сатирой.

Стоило послушать Максима, чтобы убедиться в этом.

Другое стихотворение было посвящено разоблачению акта подкачки, в котором «приняло участие» 14 человек. Принялись пересчитывать не ломовых воззников, а видных товарищей, среди которых был один особенно видный и к тому же коммунист. Он был очень недоволен, чрезвычайно недоволен, но это не могло оказать никакого влияния на поэта. Разоблачение было прямое, острое, ядовитое, и люди прекратили заниматься подкачкой.

Тема третьего стихотворения — чисто производственная: работа не так, как нужно было, и после стихотворения начальник соответствующего отдела издал подробное постановление, как нужно исправлять дефекты работ, — и они были исправлены.

Другой литкружковец Т. Соловейчик читал очерк о построении самолета-гиганта им. Максима Горького, который, как известно, строится на ЦАГИ.



АЭРОДИНАМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ ЦАГИ.

КНИЖНАЯ

Вышли в свет

«Речи Лисия» (издательство «Академия»), одного из лучших ораторов древней Греции «Речи» дают обширный материал для ознакомления с социальной, бытовой и правовой сторонами древнегреческой жизни. Книга снабжена вступительной статьей и примечаниями.

Первый том известного романа Евгения Сю «Агасфер» («Вечный жид») под редакцией и со вступительной статьей Ю. Данилина вышел в изд. «Академия». Все издание будет состоять из 4-х томов.

«Повести и рассказы» Гречина, мало известные даже квалифицированному читателю, с вступительной статьей Л. В. Камнева («Академия»).

«Записки Пиккинского клуба Дикенса» выходит в изд. «Академия». Роман иллюстрирован худ. Мизаевским, рисунки которого представляют первую попытку графической характеристики Дикенса в социальном плане.

Ленинградское товарищество «Время» выпустило XIV том собрания сочинений Романа Роллана, содержащий «Героические жизни» — биографии Бетховена, Микель-Анджело и Толстого.

В. Копряди «Франс Гальс». В серии «Художественное наследие» (ИЗОГИЗ), выходящей под ред. И. Лупола, вышла монография о Франсе Гальсе, этом еще не превзойденном голландском портретисте, оставившем совершенно исключительный галерею портретов голландских буржуа, которые, как живые человеческие документы, характеризуют целую эпоху.

«Письма Рубенса» выпущены издательством «Академия». Письма дают большую картину о характере той социальной, политической и бытовой обстановки, в которой Рубенс приходилось жить и работать. Письма представляют две статьи: А. Эфроса — «О письмах Рубенса» и В. Лазарева — «Жизнь и творчество Рубенса».

ДРАМАТУРГИ В ПОЛИТОТДЕЛЕ МТС

В Москву вернулась на поездке на Урал бригада драматургов в составе В. Вишневого, А. Гайко, Н. Зархи, Б. Алперса и Ю. Файдовского. 13 дней пробыла бригада в политотделе МТС Буткинского района, над которой приняла культурное.

Бригада драматургов приняла первый секретарь Уралобкома т. Кабанов.

Драматурги приняли участие в партконференции Талецкого района и областной партконференции Урала. На обеих партконференциях выступил В. Вишневский, который рассказал о состоянии культурного обслуживания районов.

Бригада драматургов решила выехать вторично на Урал летом, чтобы включиться в оперативную работу политотделов МТС и колхозов Буткинского района. Сейчас бригада изучает литературу о политотделе МТС — даст коллективные выступления в «Литературных критиках» о книгах Ив. Катаева, Третьякова, Безыменского, Шагинин, Клячкова, Яковлева, Попова, Россова и др.

ВЕЧЕР К. ФИННА

На приглашенном билете на творческий вечер Константина Финна напечатано: «Писатели включаются в производственно-творческий поход им. XVII съезда партии». Имя Финна ЦВ и Мосторком писателей открыли серию творческих отчетов-рефератов съезду К. Финном.

Писатель вырос, написал наиболее свои значительные вещи в период между XVI и XVII съездами партии, в период великих перемен в нашей стране.

И эти перемены, влияние их на людей, посвящено большинством произведений молодого писателя.

Финн, по выражению докладчика на вечере 26-го в Доме печати Борисова, берет художественным словом за социалистическую реконструкцию чувств.

Автор прочел на вечере первую картину новой пьесы «Свидание» и рассказ «Свет на тьме».

В заключение московский Литературный театр показал постановку «Окраины». Спектакль был горячо принят.

КАЖДЫЙ ЖИВЕТ САМ ПО СЕБЕ

За творческий контакт драматурга и актера

«Мы ценим его за то, что он постепенно становится центром общественной-художественной жизни актера, за то, что мы, актеры, люди, занятые с утра до ночи в стенах театра, получаем здесь возможность встречаться с людьми, непосредственно строящими новую жизнь за то, что мы теперь можем обмениваться друг с другом своим творческим опытом, за встречу художников разных направлений, за непринужденность и простоту клубной жизни, за интерес, возбуждаемый встречами клуба, за веселость товарищеских встреч и за многое другое, что он внес в актерскую жизнь».

Такая оценка работы театрального клуба со стороны ведущих групп работников искусств была учтена МОСПС, МГСПС и Моссоветом, предоставившим театральному клубу обширное помещение клуба Госбанка (Ильинка, 12).

В результате упорной работы двух клубов (театрабников и художников), основанной на тесном контакте и взаимной помощи, в Москве возникает центральный клуб работников искусств, действующий в двух помещениях. Основными формами работы нового клуба являются политические циклы, творческие вечера крупнейших мастеров искусства, встреча с писателями, драматургами и учеными, теснейшая связь с самостоятельными заводскими с удлинением заводов

красноармейцами и колхозниками.

Оформляет новый клуб группа художников: Вильямс, Елисеев, Куркински, Мусатов, Родионов, Ротов, Федоровский, Шестаков, Черемных.

Совершенно необходимо установить организованную связь между всеми клубами советской художественной интеллигенции.

По инициативе М. Горького Оргкомитет писателей проводит большую работу по установлению связи литературной общественности с крупнейшими советскими учеными. Но чрезвычайно слабо поставлена работа по взаимосвязи и взаимовлиянию наиболее близко соприкасающихся между собой областей нашего культурного строительства — литературы и театра.

Борьба за качество работы Дома печати, театрального клуба писателей по существу является борьбой за укрепление творческой связи в среде советской художественной интеллигенции, борьбой за воспитание новых кадров.

Совершенно ясно поэтому, что клубы, обслуживающие советскую художественную интеллигенцию, должны быть в самое ближайшее время поставлены под общественный контроль в форме организованного контроля за работой.

Директор московского клуба театральных работников.

Б. ФИЛИПОВ

РЕДАКЦИИ

Замечание т. Филипова о необходимости тесного творческого контакта работников различных отраслей искусств заслуживает всестороннего внимания. Особенно это относится к драматургам, актерам и режиссерам, которые, по сути дела, никогда не встречаются.

В то же время много вопросов, которые настоятельно требуют подобных встреч. Жалобы актера на то, что драматург плохо понимает и плохо знает актера и его творческие возможности и наоборот: жалобы драматургов по адресу актеров и режиссеров по большей

части не достигают цели. Актеры говорят об этом среди актеров, драматурги среди драматургов. К сожалению, ни автономная секция драматургов, ни тот же клуб театральных работников не предприняли достаточно энергичных шагов для организации творческого контакта.

В связи с открытием нового большого клуба театральных работников секция драматургов необходимо тесно связывается с клубом театральных работников для установления плана систематических творческих встреч работников литературы и театра.

ПОБЕДА советской МУЗЫКИ



Почти одновременно в Ленинграде и в Москве прошла премьера новой оперы Дмитрия Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». Опера поставлена будет еще и в филиале Большого театра в Москве.

Об этой новой опере много писали и говорили еще до ее появления. Пожалуй, никогда еще общественное мнение не было столь тщательно подготовлено к оперной премьере (газетными заметками, беседами с композитором, сообщениями о ходе репетиций, как в данном случае. Этот небывалый интерес к новому музыкально-драматическому произведению определяется с одной стороны, тем, что Шостакович всем своим творческим обликом, своим необычайно быстрым ростом привлекает к себе всеобщее внимание. С другой, — тем, что проблема реалистической оперы, о которой много говорится на страницах печати, все еще не шла в советской музыкальной драматургии своего разрешения. О данном произведении Шостаковича говорилось как о первой действительно реалистической опере.

Если судить о Шостаковиче на основе его первой оперы «Нос», яркого сатирического произведения, то элементы сарказма, иронии, анализа в плане социальной сатиры следует признать основными чертами Шостаковича как музыкального драматурга. Гоголевские приемы письма освоены в области музыки Шостаковичем полностью.

«Леди Макбет Мценского уезда» задумана как трагическая сатира на «колдовское» купечество крепостной России, темное, депрессивное, бесчеловечно-жестокое. Шостакович неоднократно подчеркивал, что в своей опере он хотел показать гибель выдающейся русской женщины в мрачном жестоком семейном окружении купеческой крепостной Руси. Вся ненависть автора, вся оная его социальная сатира сосредоточена на творчестве Екатерины, Борисе Тимофеевиче, на муже ее Зиновию Борзовиче и приказчике Сергее, которого Шостакович лишает той романтической привлекательности, какими он окружен в рассказе Лескова, и изображает как мелкого авантюриста, хищника, лодыжника. Все эти фигуры у Шостаковича сделаны значительно выпуклее и ярче. Вся сила и вся бескомпромиссная яркость таланта Шостаковича обращены на то, чтобы в драматургической транскрипции Лесковского рассказа показать социальный облик эпохи.

Шостакович как композитор исходит из новейших достижений мирового музыкального искусства в целом, а рисует быт русского купечества, он использует стилистические приемы русской бытовой оперы XIX столетия. Вернее, он далек от конкретного музыкального материала эпохи. Все музыкальные приемы Шостаковича основаны на освоении всей западной музыкально-драматургической техники от Верди и Вагнера до Шреккера, Кшесенка и Стравинского. Поживность музыкального воображения Шостаковича, острота мелодического и гармонического мышления, из ряда выходящий блеск инструментальной музыки ведут к некоторому на первый взгляд парадоксальному несоответствию драматической ситуации и музыкального выражения. Если в сцене любовной встречи Екатерины и Сергея мы ясно слышим отголоски трауровой лирики, если в обрисовке Тимофея Борзовича местами применяется ритм марши, вальса, наряду с изумительными по сочности оборотами оркестровой интонации в характере вагнеровской колды, если в тех или иных мелодических оборотах, например, в пятой картине (спальная Екатерина Львовны) мы слышим отголоски Чайковского, то все это не мешает впечатлению полной независимости и свободы выражения оперы в целом. Здесь уже действительно можно говорить о критическом преодолении наследия прошлого. Мастерство и самостоятельность мышления музыкального драматурга, показанные Шостаковичем в этой опере, велики и совершенно неоспоримы.



В. И. Немирович-Данченко.

Самая Екатерина, та же кость от кости, плоть от плоти купеческого быта, идет на преступление только ради того, чтобы зажить с Сергеем Шостаковичем, быть может безоглядно, подчеркивает социальную слепоту Екатерины, рисуя Сергея как ничтожество, высшего бледного из бледных — лежать под пышным атласным одеялом купеческой спальни (пятая картина).

В истории развития таланта Шостаковича «Катерина Измайловна» — огромный шаг вперед. Сатирические и гротесковые моменты в опере, например сцена в усадьбе, даны в этой новой опере значительно более точно и гибко, чем в первой опере «Нос». Социальная характеристика отдельных лиц, умение психологически мотивировать музыку различными приемами (модуляциями, инструментальной, использованием отдельных характерных мотивов, хотя настоящей лейт-мотивной линии Шостакович в этой опере не разрабатывает) поразительно. О мастерстве инструменталиста мы уже говорили. Оно общепризнано. Но никогда еще Шостакович не достигал такой четкости, образности, конкретной описательности средствами оркестрового письма, как в «Катерине Измайловне». Можно было бы привести сотни примеров буквально из каждой страницы партитуры. Замечательно и то, что при наличии огромного оркестра последний приведен в полное соответствие с локальными ритмами и нигде не заслонен ни сольного голоса, ни хора. Вокальная линия, которая в прежних произведениях Шостаковича не выступала на первый план, здесь служит полноценным выразительным средством. Интонационная простота, умение оттенить каждое действующее лицо в этой опере у Шостаковича доведены действительно до максимума.

ИТОГИ И ОБЯЗАТЕЛЬСТВА

23 января в Доме ученых ГИХЛ отчитался перед широкой советской общественностью в своей работе за 1933 г.

Краткие речи изобилуют интересными фактами данными, цифровыми подсчетами плановыми наметками. Но не столько они дали изрядное представление о пройденном ГИХЛ пути, о переломе, который явственно обозначился в его практике. Убедительнее всего прозвучал в этом смысле другой язык — язык выставки, на которой была представлена книжная продукция ГИХЛ за 1933 г.

Что особенно бросается в глаза уже с самого начала — это повзрослевшее в последнее время внимание ГИХЛ к запросам массового читателя. Рассчитанная на него продукция занимает четыре раздела выставки: тут и «Роман-газета», вышедшая уже в количестве около миллиона экземпляров, и приобретающая уже широкую популярность ДБО («Дешевая библиотека ОГПЗ»), и «Библиотечка начинающего читателя», возобновленная выходящая после трехлетнего перерыва, и наконец школьная серия. Приятно удивляет изрядный тоник стихов и поэм Пушкина стоимостью в 1 р. 75 к., томик Лермонтова — 1 р., обильная книга чеховских рассказов романа Драйзера («Американская трагедия»), Алексея Толстого «Петр I», Фадеева «Последний из ульг», Шолохова «Поднятая целина», В. Соболева «Капитальный ремонт» — вполне доступным ценам.

Рядом — в «Библиотечке начинающего читателя» («После бала» Л. Толстого, «Сон Макара» В. Короленко, рассказы Чехова, Тургенева, Неверова и ряд других произведений мировой и советской литературы, стоимость от 6 до 20 копеек) в школьной серии — «Отцы и дети» Тургенева, «Герой нашего времени» Лермонтова, «Обломов» Гончарова, «Женитьба Фигаро» Бомарше, «Путешествие на Петербург в Москву» Радищева, «Джиги Мухоморова» Эпсона Синклер — также по ценам, не обременяющим бюджета пролетарских родителей.

Все более широкую «жилоплощадь» начинают отвоёвывать в системе ГИХЛ классики. Вот в тесном соседстве расположились обильные издания отоминки Пушкина, Салтыкова-Щедрина и Некрасова; под ними светит только что вышедшие сны III и IV тома Гете (драмы в прозе и стихах); жмется друг к другу три первых изданий сочинений Баламутова и два тома Фабера; отделился полку занимают 24 тома М. Горького (второе юбилейное издание) и т. д.

Значительно слабее представлены на выставке литературоведение, поэзия, драматургия, в особенности творчество народов СССР. Книга Табалина, Наджи, сборники современной татарской и бакинской литературы, романы украинских писателей (Смолина «По ту сторону сердца» и Голово «Мать»), стихи П. Маркиша — это вряд ли дает даже приблизительное представление о мощном расцвете национальных литератур в Союзе. Тут мы должны предвять ГИХЛ серьезный счет.

Нам довелось видеть в труднейшей роли Екатерины Львовны Измайловны М. И. Лещинскую. Артистка дает правильную характеристику молодой купчихи, гонимой деспотизмом и тоской по неудавшейся жизни к преступлению и гибели. Лещинская — артистка с уклоном к сильно драматическому пафосу, и лучше всего ей дается вторая половина спектакля, особенно последняя сцена ревности и убийства Тимофеевичем, выстраивая в исполнении Кандакина в обобщенный тип купеческого «Домостроя» во всей его злой, хищнической обнаженности. Сатирически разоблачительный рисунок Сергея правильно воспроизводится Кутырными, так же, как все злобное ничтожество Зиновию Борисовича Цинным. Отметки эпизодические фигуры, раньше всего Сонетку (Големба — артистка с образовой дикийей), Аксинья (Виноградская), ничуть не шаржированный священник Князев. Вся превосходная выработка спектакля доказывает еще раз, что лучший стимул роста театра — это работа над яркой талантливой пьесой. Именно на этом произведении театр Немировича-Данченко вырос в оперный театр крупнейшего масштаба.

Евгений БРАУДО.



Д. Л. Шостакович.

„ЖИЗНЬ ЗО ВЕТ“

Пьеса В. Билль-Белоцерковского в театре МОСПС

Пьеса Билль-Белоцерковского «Жизнь зовет» — несомненный успех театра МОСПС. После «Врагов» Горького, сработанных в общем удачно, и «Вздора» Финна эта пьеса — дальнейший шаг вперед. Наметьте новую линию в работе театрального коллектива, человека, психологического его коллики. Это особенно заметно по последним пьесам и в особенности по пьесе Билль-Белоцерковского. Целью пьес, которыми до сих пор орудовал театр, не давал ему четкой, физиологической и высокого залета. Очевидно, ему трудно было развернуться, расправить крылья вздохнуть полной грудью. Во всяком случае, театр до сих пор работал как-то в среднем регистре, и о нем говорили неохотно. Для меня было совершенно неожиданностью выступление этой своей пьесой и автора. До сих пор он давал драмы внешнего действия, и они не блистали особыми литературными достоинствами: «Жизнь зовет» — драма сплош-

ного психологического потока. Она сильно напоминает пьесы Ибсена и Гамсуна. Тот же замкнутый круг личных переживаний и стремление героев вырваться за пределы субъективных тупиков. Люди горят мечтой о подвигах, о боевом прошлом, о широкой дороге, а перед ними — прергады — или внутренне, или внешне — высокая стена бюрократизма, консерватизма и непопулярности.

Пьеса строго выдержана в двух единствах — места и действия. Все события происходят в одной и той же комнате, можно даже не опускать занавеса. Типичный «интерьер». Вся обстановка подчеркивает интимность, комнатность драмы, хотя главные действующие лица — общественники, партийцы, действительные люди. И персонаж небольшой всего шесть человек, причем двое из них — эпизодические, случайные фигуры. По сути действуют только четверо. Женская роль — одна. Но надо отметить что все это — очень разнохарактерны, яркие и подлинно живут на сцене.

В пьесе, собственно, две главных ведущих фигуры: это старый большевик, ученый Чадов и второе поколение — бывший партизан войны Федор Никитин. У каждого из них своя судьба, свой мир, свои несомненно падающие жизненные пути. Их объединяет только женщина — Гая, дочь Чадова, жена Федора. И драма одного развивается независимо от другого. Федор живет в одной половине комнаты Чадов — в другой. Трагедия Федора Никитина, а не Чадова, что он по технической своей неграмотности допускает в тексте целый ряд ошибок по произволу. Его снимают с запрещением в течение трех лет занимать ответственные должности. Теперь он — в «сбытыи»: сидит ничтожной пешкой где-то на пропусках. Он унижен и оскорблен, он обесчлавлен. Он страдает от этого своего унижения безмерно. Ему кажется, что отставка из жизни и продолжит отставать катастрофически: если жить дальше, то негн на версту. Ему советуют отдохнуть годик, поучиться а он ужасе кончит, что жизнь определит его на десять лет.

Старому большевику Чадову, энтузиасту, одержимому идеей овладеть тайным течением Кузо Сивью живущему только мечтой об оплещении сибирских тундр, неведомы муки зятя. Ему нет до него никакой близкой смерти, которая грозит оборвать его научные работы. Гая приходится играть роль вопиюще-слезянки и сестры индустриальной бедности, все ее ин-

тересы — в заботах об этих двух дорогих людях, хотя она как будто и воспитывалась когда-то своим отцом в революционном духе. Приезд старого товарища и друга Павла на время встряхивает Федора. Павел прошел курс Промкадемии, теперь занимает большую пост, воротит большими делами, он умен, опытен, силен, уверен в себе, знает себе цену и идет твердо по проложенной дорожке. Он учит создавать себе систему, но все дело только в системе, иначе провал. Сначала он руководит Федой в его самообразовании, становится настоящим членом семьи. Но эта радость общения старых друзей несет конечно, неизбежную беду. Гая и Павел чувствуют, что они любят друг друга. Федя догадывается о чувствах двух близких людей, и это валяет его с ног. Ревность и зависть не дают ему покоя. От мучительной работы над книгой, от бессонных ночей, от «зависания» мозг перестает продуктивно работать. Ревность и зависть парализуют его. Он весь уходит в разлазную рефлексию. С отчаянием он бросается в пьянство. Дело кончается скандалом, дракой с Павлом. В конце концов он приходит к мысли о самоубийстве (он не приспособлен к жизни) но друг и друг спасает его. Федор тайно убегает куда-то на стройку — «догнать жизнь».

Именно в ее изобильном психологизме в чрезмерном многообразии героев, в отсутствии явного неосредственного действия. Жизнь нашей страны идет где-то за закрытым окном, а здесь, в комнате, — тишина, угар надрытых переживаний, какой-то первичный листопад. Конечно, все это, непосредственные участники творчества нашей жизни, тоже не лишены способности инстинктивно переживать «не приперти личной и общественной борьбы». У каждого из нас есть и квартира, и комната, где мы остаемся сами с собой и близкими людьми. Но инстинктивно от декларируемого для наших переживаний, для решения больших проблем современности? Личная обособленность, уход в интимное, замкнутость в собственной дыре, гамлетизм — все это продукт одиночества, оторванности от живой жизни, от коллектива. Провал в себя, в мелочи индивидуальной ограниченности, тоска по порванным связям трагедия личной бесперспективности, негражданские бесплодные порывы — все это неслучайно от декларируемого для человека, негилоного для нашей эпохи. Такой человек не только отстает от наших дней, но обречен на умирание, на неизбежное исчезновение. То же самое по существу, происходит и со старым большевиком Чадовым. Как он ни старается выразить себя юной, комсомольской, седовласым романтиком все же он постоянно находится под гнетущим давлением страха смерти. Он бежит от него, старается заглушить его бодрими криками мечтой о успехах науки и реальном доблесте, доклад в техническом совете о своем проекте выводит победителем в борьбе. Жизнь зовет обоих — и Федю, и Чадова — весна в полном разгаре. Пьеса кончается оптимистическим аккордом: открывается окно, ветер колышет кисейную занавеску, делясь — в цветах и солнце. И Чадов радостно восклицает: «А жизнь зовет, зовет хорошо...»

наседка, которая только и думает о своих двух цеплятах, о муже и отце. Личные дела для нее — все, общественное дело — ничто. Она меньше всего говорит об этом.

Но, несмотря на это, пьеса интересна, сыгранна превосходно. В пьесе поставлен ряд проблем — личностные, семья, смерть, судьба обособленной жизни и пр., — и эти проблемы поставлены разрешены: они стоят в первую очередь. А художник в праве ставить и решать их в искусстве, и так именно, как ему кажется более правдивым и убедительным. Я только считаю, что образы созданы автором не в плане социалистического реализма. Влияние Ибсена и Гамсуна на его творчество в период написания этой пьесы несомненно, и это отражается и на структуре пьесы, и на расстановке фигур, и на самом психологическом и, конечно, идеологическом строе драмы.

Игра актеров в всех выдержана хорошо. Изумительное мастерство в показе образа Чадова у Е. О. Любимова-Ланского. Выход его на сцену после длительного перерыва, по моему, должен быть оценен как событие большой важности. В роли Чадова Любимов-Ланский показал себя во всем богатстве блеска, экспрессии своего огромного таланта.

Выразительность диалог, жеста, мимики, удивительная правдивость и искренность в передаче самых тончайших чувств — все это бурная темпераментность создает полную иллюзию подлинной жизни. Нельзя не отметить, что грандиозной силой своего таланта он подлаив других артистов. Очень хороши в роли Федора артист Ковров — талант яркий, тонкий, вдумчивый, с большим тактом. Немного холоден Леонтьев. Чувствовалась какая-то несвязная связь, недосказанность в игре. Я думаю, что он не смог бы справиться с трудностями своей роли: сама фигура Павла, как я уже сказал, мало ясна, недостаточна скульптурна и недосказана. Но в роли Гая артистка Егорова, с созданием слабой Роль ее богата и характерна. Можно было сделать этот образ очень трагическим и проникновенно но у артистки не стало сил выпрыгнуть его в достаточной степени яркости. Ей еще очень много придется поработать над своей ролью.

Фигуры Павла и Гая отделаны с меньшей заботливостью. Павел, прямолинейнее, умен, дисциплинирован. Он прошел огромную школу партийной и советской работы. Но фигура его все-таки схематична. Не поемше — сухой безстрастный од человек или наборот. Недаром Гая все время он являет и отталкивает. Он все время доказывает себя. А Гая, воспитанная большевиком-отцом как революционерка, никак и ни в чем не проявляет себя с этой стороны. Наборот. Она — беспартийная домохозяйка, скорее

Внимание ТЕАТРОВ, КЛУБОВ ТЕАТРАЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ, ДРАМАТУРГОВ И ПИСАТЕЛЕЙ К XVII съезду ВКП(б) журнал ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ

ВЫПУСКАЕТ СПЕЦИАЛЬНЫЙ НОМЕР-АЛЬБОМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ТВОРЧЕСКОМУ СМОТРУ ТЕАТРА И ДРАМАТУРГИИ СССР

В альбоме 16 печатных листов большого формата — свыше 400 фото с постановок театров всех народов СССР, многокрасочные вкладыши.

В номере помещены портреты 100 драматургов СССР. Журнал печатается в 2 краски. Цена номера — 6 руб. лев. Требуется в книжках Союзпечати и книжных магазинах, Заказы на правление: Москва, 6, Стратной 6, 11 Жургазобединение.

Одновременно принимается подписка на 1934 год, включая номер-альбом.

«ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ» — ежемесячный общественно-политический и художественный журнал драматургов и театральных работников. Выходит под редакцией А. И. Афиногенова.

В каждом номере журнала статьи и критические обзоры советского и мирового театра монография о драматургах и актерах, обзор печати, театр СССР, библиография, пьеса советского или иностранного драматурга, специальная литературная и режиссерская комментарины.

«ТЕАТР И ДРАМАТУРГИЯ» рассылается на квалифицированного работников сцены, драматургов и литераторов. В каждом номере 16 печатных листов, со многими многокрасочными и одноцветными иллюстрациями (стихотворения, фотографии).

Подписка цена: 12 мес. — 72 руб., 6 мес. — 38 руб., 3 мес. — 18 руб.

Подписка принимается: Москва, 6, Стратной бульвар, 11. Жургазобединение и повсеместно почитой и отделениями Союзпечати.

ПОЛНЫЕ КОМПЛЕКТЫ ЗА 1933 ГОД ЖУРНАЛА **АРХИТЕКТУРА СССР** с № 1 по № 6

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ЗА 25 РУБЛЕЙ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ ИЛИ ПРИСЛАВ СТОИМОСТЬ ПЕРЕВОДОМ

Важно в деньгах направлять по адресу: МОСКВА, 6, Стратной бульвар, 11. Жургазобединение. Массово-тиражный сектор

Там же принимается подписка на 1934 год

Подписная цена: 12 мес. — 72 руб., 6 мес. — 38 руб., 3 мес. — 18 руб.

Подписка принимается также почтой в отделениях Союзпечати.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И НА ДАЛЕКО РАССЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ

РОМАН ГАЗЕТА

№ 1

„Я ЛЮБЛЮ (РОМАН)“

Требуется по всем книжкам.

Цена — 50 коп.

Подписка принимается на 1934 г. Цена: 1 год — 6 р., 6 мес. — 3 р., 3 мес. — 1 р. 50 к.

Подписка принимается всеми книжными магазинами и отделениями КОПИИ, а также повсеместно на почте.